

На правах рукописи

Балашова Элеонора Георгиевна

**НЕИСПОЛНЕНИЕ КАК СТАДИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ
ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ**

**12.00.03 - гражданское право; предпринимательское право; семейное право;
международное частное право**

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Казань
2004

Работа выполнена на кафедре гражданского и предпринимательского права Самарского государственного университета.

Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент
Качанова Валерия Витальевна

Официальные оппоненты – доктор юридических наук, профессор
Хохлов Вадим Аркадьевич
кандидат юридических наук, доцент
Чельшев Михаил Юрьевич

Ведущая организация - ГОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет»

Защита состоится «17» июня 2004 в 14.00 час. на заседании диссертационного совета Д.212.081.13 при Казанском государственном университете по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, юридический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан «11» мая 2004.

Ученый секретарь диссертационного совета
Д.212.081.13, к.ю.н., доцент

А. Р. Каюмова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. В условиях развития в России рыночной экономики проблемы обязательственных правоотношений приобретают особое значение. Расширение масштабов применения, например, гражданско-правовых договоров обостряет проблему дисциплины сторон, последствий неисполнения обязательств. В то же время трактовка понятия «неисполнение обязательственного правоотношения» в теории гражданского права не носит однозначного характера, действующее законодательство также не содержит его определения. В настоящее время отсутствуют комплексные монографические исследования, посвященные проблемам неисполнения обязательственных правоотношений.

Проблема неисполнения обязательственных правоотношений являлась предметом исследования как в до-, так и послереволюционной литературе. В частности, она рассматривалась в работах таких авторов, как Г.Ф. Шершеневич, М.М. Агарков, Ф.И. Гавзе, О.С. Иоффе, В.В. Луць, И.Б. Новицкий, В.К. Райхер, М.К. Сулейменов, В.С. Толстой и других. Как правило, вопросы неисполнения анализировались советскими учеными в совокупности с положениями о гражданско-правовой ответственности (например, работы Е.М. Яковлевой, О.С. Иоффе и других). Н.И. Красновым проведено исследование вопроса о соотношении требования реального исполнения с невозможностью исполнения и ответственностью за неисполнение договорных обязательств. В последнее время также наблюдается интерес в научном мире к проблематике неисполнения обязательственного правоотношения. В том или ином ракурсе она затрагивалась, в частности, в работах М.И. Брагинского, В.В. Витрянского, А. Асоскова, Ф.О. Богатырева, Д. Гришина, Ю.М. Доренковой, А. Жарского, А.М. Запорожец, А.Н. Обыдённова, С.А. Соменкова и других. Несмотря на ряд существующих проблем, связанных с неисполнением обязательственных

правоотношений, возникающих, в частности, в правоприменительной практике, авторы современных публикаций, затрагивающих проблемы неисполнения обязательств, основываются на общепринятых в науке гражданского права положениях, не всегда отвечающих современному уровню развития экономических отношений. Однако развитие рыночных отношений требует эффективного правового регулирования, которое способствовало бы уменьшению отрицательных последствий нарушения обязательств, а как следствие – формированию стабильных отношений. При этом необходимо изменение и дополнение ряда норм гражданского законодательства, принимая во внимание, что в некоторых из них имеются и отдельные противоречия, требующие устранения. Нуждается в осмыслении и формирующаяся обширная судебно-арбитражная практика.

Интерес к исследованию проблем неисполнения обязательственных правоотношений вызван их особой значимостью для участников гражданских правоотношений, а также тесной связью изучаемого правового явления с такими основополагающими понятиями гражданского права как гражданское правоотношение, его содержание, объект. Рассматривая категорию неисполнения, большинство современных авторов связывают данное понятие, прежде всего, с категорией обязанности и считают - для того, чтобы дать определение неисполнения обязанности, необходимо ответить на вопрос: было ли совершено предусмотренное правовой нормой действие или нет? И отмечают, что только при отрицательном ответе на данный вопрос можно говорить о неисполнении (например, Д. Гришин, Ю.М. Доренкова). Однако исследование природы действия, его места и роли в обязательственном правоотношении, влияния на категорию неисполнения не носило комплексного характера.

Таким образом, научная и практическая значимость указанных проблем, недостаточная их теоретическая разработка и дискуссионность ряда вопросов

предопределили выбор темы диссертации. В данной работе анализируются как теоретические вопросы содержания понятия «неисполнения обязательственных правоотношений», так и вопросы применения специальных норм, регулирующих, например, действие отдельных санкций за неисполнение договора. При исследовании выбранной темы мы исходим из того факта, что традиционно в науке гражданского права термин «неисполнение» применяется только к договорным обязательствам.

Целью исследования является разработка теоретических положений, имеющих основанием понятие «неисполнение обязательственного правоотношения» на примере договорных обязательств, а также внесение предложений по дальнейшему совершенствованию правового регулирования. Достижение поставленной цели осуществляется на основе решения комплекса исследовательских задач:

- аналитического осмысления понятия «неисполнения обязательственного правоотношения», выработки его (понятия) на примере договорных обязательств;
- критического анализа исторических аспектов развития понятия неисполнения обязательства;
- определения системы правовых норм, регулирующих рассматриваемые отношения;
- проведения анализа гражданского законодательства и правоприменительной практики, связанных с проблемами неисполнения, для разработки на этой основе рекомендаций по совершенствованию законодательства.

Объект исследования. В диссертации исследуются отечественные нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы, связанные с неисполнением обязательственных правоотношений, правоприменительная

деятельность по реализации данных норм, основные научные концепции по проблематике темы.

Предметом исследования является неисполнение как стадия существования обязательственного правоотношения: предпосылки возникновения, понятие и гражданско-правовые последствия «неисполнения обязательственного правоотношения», учитывая при этом, что традиционно термин «неисполнение» употребляется по отношению к договорным обязательствам.

Методологическая основа исследования. При написании диссертации использовались всеобщий диалектический метод познания, а также частно-научные методы: догматический, исторический, логический, сравнительно-правовой, системно-структурный и др.

Теоретическая и эмпирическая основа исследования. В процессе работы над диссертацией были изучены и проанализированы труды философов, работы русских правоведов дореволюционного периода (Д.И. Мейера, Г.Ф. Шершеневича) и современных ученых как в области общей теории государства и права, так и отраслевых юридических наук по рассматриваемым в диссертации и смежным проблемам.

Исследовано отечественное законодательство. Используются практические материалы, опубликованные в печати, собранные автором в Комитете по управлению имуществом города Самары, Самарском городском фонде имущества, Администрации города Самары, а также иные материалы, полученные автором путем интервьюирования. Исследовано более 200 дел Арбитражного суда Самарской области, Федерального арбитражного суда Поволжского округа и других.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые за последние десятилетия предпринята попытка комплексного монографического исследования сущности «неисполнения

обязательственного правоотношения» как стадии существования обязательственного правоотношения с использованием инструментария и выводов философии, теории права и цивилистики. В диссертации исследуются основные дискуссионные проблемы понятия «неисполнения договорного обязательства». Предлагается понятие «неисполнения обязательственного правоотношения», отличное от большинства используемых в юридической литературе. Раскрывается сущность неисполнения, выделяются отличительные черты рассматриваемой категории. Выдвигаются новые аргументы в пользу уже высказанных в литературе теоретических положений, что подтверждает обоснованность этих суждений. Излагаются и аргументируются конкретные предложения по совершенствованию законодательства.

Научная новизна исследования отражена также в основных положениях, выносимых на защиту:

1. Необходимо исключить реально совершенные действия из состава содержания правоотношения, признав правоотношение особым идеологическим отношением, соотносящимся с общественным отношением как форма и содержание, имеющим содержанием субъективные права и обязанности. Нецелесообразно рассматривать содержание правоотношения с точки зрения единства юридической формы и материального содержания, что не позволяет согласиться с мнением авторов, включающих действие (реально совершенное) в состав содержания правоотношения (В.П. Мозолин, Ю.И. Гревцов и др.). Данные действия являются элементами материального содержания правоотношения - общественного отношения, что обосновано в ходе исследования.

2. Использование термина «неисполнение обязательства» к случаям неисполнения «обязанностей» одной из сторон (при взаимном наличии обязанностей у участников), что встречается как в судебной практике, так и

научной литературе, неправомерно с точки зрения структурного анализа правоотношения (несмотря на то, что использование данного термина может быть объяснено с практической точки зрения - встречного характера обязанностей в большинстве обязательств, где непредоставление исполнения одной из сторон, освобождает другую сторону от исполнения, что, в конечном счете, и влечет полное недостижение запрограммированного сторонами результата, т.е. «неисполнение обязательства» в целом).

3. Специальные требования, предъявляемые, например, к предмету в обязательствах, связанных с передачей имущества, не могут быть квалифицированы как самостоятельные гражданско-правовые обязанности, несмотря на то, что закон и правоприменительная практика предлагают именно такую трактовку. Они (требования) входят в состав обязанности должника по передаче имущества, в результате чего неисполнение данных требований, как правило, автоматически не влечет признание нарушения «неисполнением обязанности» (как следствие и неисполнением обязательства) и характеризует исполнение как ненадлежащее.

4. Содержание правоотношения не является тем элементом, который играет существенную роль в квалификации «неисполнения обязательства», закрепляя потенциальное поведение участников правоотношения как на стадии нормального развития обязательства, так и на аномальной стадии. Отправной точкой в данном случае выступает «объект правоотношения», под которым применительно к обязательственному правоотношению понимается весь комплекс действий (как запрограммированный результат), совершения которых вправе требовать кредитор, что не позволяет говорить о тождестве категорий «содержание правоотношения» и «объект правоотношения», где объект играет определяющую содержание правоотношения роль, являясь целью установления субъективных прав и обязанностей. Данный вывод вытекает из понимания объекта правоотношения как его цели, что основано

на выводах современной социальной философии о двух уровнях социального отношения.

5. Недопустимо определение «неисполнения договорного обязательства» через категорию предмета правоотношения (Е.А. Зверева) в силу обоснованного нами в ходе исследования признания предметом договорного правоотношения, прежде всего, материальных и нематериальных благ.

6. «Неисполнение обязательства» с точки зрения материального содержания правоотношения представляет собой отсутствие реализации запрограммированного в «объекте обязательственного правоотношения» результата, где воздержание от совершения активных действий не может быть признано единственным элементом, учитывая возможность объединения активного и пассивного поведения в рамках категории объекта. Отсутствие активных действий обязанной стороны является сущностной характеристикой именно «неисполнения обязательства».

7. «Неисполнением обязательственного правоотношения» необходимо признать отсутствие реального исполнения (как исполнения соответствующего всем условиям договора о месте, времени, способе совершения и т.д. за исключением условия о сроке), сопряженное с прекращением самой возможности реального исполнения. На сегодняшний день обоснованной является возможность самостоятельного согласования сторонами случаев прекращения возможности реального исполнения (что влечет «неисполнение обязательственного правоотношения»), в результате чего помимо невозможности исполнения и приравненных к ней случаев «неисполнение обязательственного правоотношения» включает и случаи, когда исполнение фактически возможно, но его нет, что основано, с одной стороны, на установленной во времена административно – командной системы принципом реального исполнения обязательств зависимости между неисполнением и возможностью реального исполнения обязательств, с

другой стороны - на прекращении существования реального исполнения в качестве принципа и сохранении его как одного из правил гражданского законодательства. В результате чего мы считаем необходимым п. 2 ст. 396 главы 25 ГК РФ («Ответственность за нарушение обязательств») изложить в следующей редакции: «Неисполнение обязательства как отсутствие исполнения со стороны должника, связанное с прекращением возможности реального исполнения обязательства, влечет возмещение убытков».

8. Необходимо различать фактическое неисполнение и «неисполнение обязательственного правоотношения» как самостоятельную категорию гражданского права. Критерием их разграничения выступает сохранение возможности реального исполнения обязательств после истечения срока исполнения обязательства, который не влечет автоматическую квалификацию нарушения в качестве «неисполнения обязательства». Сохранение возможности реального исполнения на стадии аномального развития обязательства служит критерием разграничения категорий «неисполнения» и «ненадлежащего исполнения».

9. «Неисполнение обязательства» не тождественно понятию «существенное нарушение договора», которое представляет собой самостоятельное явление, только включающее черты ненадлежащего исполнения и «неисполнения», имеет самостоятельные правовые последствия (что исключает, в частности, предъявление требований, вытекающих из ненадлежащего исполнения после установления (как в судебном порядке, так и по соглашению сторон или в силу прямого указания закона) существенного нарушения). Решающее значение при разделении понятий «неисполнение обязательства» и «существенное нарушение договорного обязательства» играет соответствие действительно представленного исполнения и того запрограммированного результата, на достижение которого направлены действия сторон.

10. Неисполнение обязательственного правоотношения, в частности, договорного, являясь основанием применения мер гражданско-правовой ответственности (характеризуемых государственным принуждением, отрицательными для нарушителя последствиями и общественным осуждением) имеет место исключительно в рамках этого правоотношения, что служит основанием признания «неисполнения» стадией существования обязательственного правоотношения. Возмещение убытков, подлежащих возмещению при неисполнении как мера гражданско-правовой ответственности, прекращает гражданско-правовое обязательство, в результате чего возмещение убытков за неисполнение должно быть указано в числе оснований прекращения обязательственных правоотношений в главе 26 («Прекращение обязательств») ГК РФ.

11. «Неисполнение обязательственного правоотношения», связанное с прекращением возможности реального исполнения обязательства, исключает применение «принуждения к исполнению обязанности в натуре» (не входит в состав мер гражданско-правовой ответственности), которое действует в рамках правомочия кредитора, заключающегося в возможности требования соответствующего поведения от обязанного лица и соответствующей ему обязанности должника совершить определенные действия в пользу кредитора, т.е. в рамках сохранения возможности «реального исполнения обязательства». Что обосновывает необходимость замены п.п. 3-4 ст. 425 ГК РФ пунктом следующего содержания: «Законом или договором может быть установлен срок реального исполнения обязательства, истечение которого влечет невозможность предъявления соответствующих требований об исполнении обязательства в натуре»; а также исключения пункта 4 ст. 425 ГК РФ.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Автором сформулированы положения и выводы по исследуемой теме, адекватные современным условиям развития законодательства, в связи с чем результаты

исследования могут служить основанием для совершенствования российского законодательства и быть использованы в процессе нормотворческой деятельности, в судебно-арбитражной практике, а также в качестве основы для дальнейших разработок рассматриваемой проблематики, смежных проблем и в процессе преподавания курса гражданского права.

Апробация результатов диссертационного исследования.

Диссертационная работа выполнена и обсуждена на кафедре гражданского права Самарского государственного университета. Основные положения и выводы, содержащиеся в диссертации, нашли свое отражение в опубликованных автором работах, в его выступлениях на научных конференциях молодых ученых Самарской области «Актуальные проблемы частноправового регулирования» в Самарском государственном университете в 2001г., 2004г., всероссийской научно-практической конференции «Проблемы развития инвестиционного права», проведенной Самарской государственной экономической академией в 2001г. Материалы исследования использовались в процессе преподавательской деятельности, а также применялись для совершенствования деятельности органов местного самоуправления.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертации, определяются цели, задачи, объект и предмет, методология и методика исследования, его научная новизна, теоретическая и практическая значимость. Формулируются основные положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации результатов исследования.

Глава 1 «Неисполнение договорных обязательств в теории гражданского права» состоит из трех параграфов, в каждом из которых исследуются отдельные стороны неисполнения с точки зрения теории гражданского правоотношения. Констатировав связь трактовки понятия «неисполнение обязательства» с категорией действия, диссертант в **параграфе 1** («Неисполнение обязательственного правоотношения в теории гражданского правоотношения») обосновал необходимость установления места «действия» в обязательственном правоотношении, а также определения его природы, что не может быть осуществлено без рассмотрения проблемы содержания правоотношения, а, следовательно, и более глобального вопроса – понимания самого гражданского правоотношения, в частности, обязательственного.

Не согласившись с мнением авторов, считающих правоотношением само общественное отношение, урегулированное нормами права (Н.М. Коркунов, Р.О. Халфина, Е.Л. Невзгодина, Н.Д. Егоров), а также определяющих его (правоотношение) как особое идеологическое отношение, существующее *наряду* с иными, фактическими, отношениями (А.К. Стальгевич, В.П. Мозолин и др.), представив критический анализ данных воззрений, автор присоединился к наиболее распространенной точке зрения на правоотношение как юридическую форму общественного отношения (материального основания) (В.А. Тархов, Ю.К. Толстой и др.). Выделение правового отношения как особого идеологического отношения, не сливающегося с лежащим в его основе фактическим общественным отношением, носит абстрактный характер, что не исключает, а именно предполагает неразрывную взаимосвязь между ними (соотношение как форма и содержание). В то же время абстрактность данной конструкции не исключает взаимопроникновения формы и содержания, что отмечалось Ю.И. Гревцовым, или их взаимообусловленности, объединения в специфическую целостность - «социальное отношение», о чем пишет Б.Н. Королев

Диссертант выделил два подхода к рассмотрению содержания правоотношения в юридической литературе: с одной стороны, большинством цивилистов определяется самостоятельное содержание правоотношения – субъективные права и обязанности, с другой стороны, некоторые теоретики рассматривают содержание правоотношения с точки зрения единства материального содержания и опосредующей его правовой формы, в результате чего наряду с субъективными правами и обязанностями выделяется «формированное» взаимодействие, т.е. взаимодействие, протекающее в определенной форме, предписываемой нормой права. Основываясь на сделанных выводах о соотношении правового и общественного отношений, автор обосновал необходимость признания содержанием правоотношения субъективных прав и обязанностей (О.С. Иоффе, В.А. Тархов, Я.М. Магазинер, И.Б. Новицкий и др.), которые, как известно, представляют собой юридически закрепленные *возможности*: возможность определенного поведения субъекта, возможность требовать от других совершения известных действий и т.д., исключив реальные действия из содержания данной категории.

Рассмотрев общие вопросы теории правоотношения, диссертант перешел к исследованию обязательственного правоотношения. Анализ нормативного материала показал, что в законодательстве под «обязательством» часто понимают «обязанность должника», при этом происходит смещение смысловых значений данных терминов, что основано, по мнению диссертанта, на многозначности термина «обязательство» и не может не вызвать обоснованную критику. На несовершенство терминологии законодателя в плане разграничения понятий «обязательство» и «обязанность» уже обращалось внимание в юридической литературе (например, В.С. Толстым). Итогом исследования данной проблемы являются выводы о недопустимости отождествления указанных терминов, а также, как

правило, сложной структуре обязательственного правоотношения, где вся совокупность субъективных прав и обязанностей представляет собой правоотношение как сложную систему, что соответствует выработанным социальной философией, социологией, психологией выводам (К.Х. Момджян, А.В. Дроздов, К.С. Пигров, М. Вебер), учитывая, что юридическое отношение опосредует определенную общественную связь, общественное отношение, обладающее отличительными особенностями, а не конкретные действия, реализуемые субъективное право и обязанность. Это послужило основанием для формулирования соответствующих предложений по изменению законодательства, в частности, ст. ст. 328, 396, 311, 312 ГК РФ, где термин «обязательство» трактуется законодателем как обязательственное правоотношение применительно к исполнению, предоставляемому должником.

В заключение диссертантом делается вывод о том, что сложный состав обязательственного правоотношения (в частности, наличие как прав, так и обязанной у всех сторон правоотношения) вносит определенную сложность в определение понятия неисполнения обязательственного правоотношения. Данный термин правомерно используется по отношению к «полному» неисполнению обязательства, когда ни одна из сторон не совершила необходимых действий по реализации предусмотренного правового результата. Однако термин «неисполнение обязательства» часто используется по отношению к одной из сторон правоотношения. Не возникает вопросов, если таковой является сторона, которая несет только обязанности в данном правоотношении (другая сторона имеет только права), так как именно реализация возложенных на должника запрограммированных действий, исполнения которых вправе требовать кредитор, составляет объект обязательственного правоотношения. При сложной структуре обязательственного правоотношения (наличии как прав, так и обязанностей у

всех сторон) использование термина «неисполнение обязательства» достаточно условно, так как запрограммированный результат включает действия всех сторон правоотношения. Следовательно, использование термина «неисполнение обязательства» к случаям неисполнения «обязанностей» одной из сторон неправомерно с точки зрения структурного анализа правоотношения. Хотя с практической точки зрения оно может быть объяснено встречным характером обязанностей в большинстве обязательств, где непредоставление исполнения одной из сторон освобождает другую сторону от исполнения, что, в конечном счете, и влечет полное недостижение запрограммированного сторонами результата, т.е. «неисполнение обязательства» в целом.

Кроме того, в процессе исследования в параграфе 1 главы 1 диссертант пришел к выводу, о том, что специальные требования, предъявляемые, например, к предмету в обязательствах, связанных с передачей имущества, не могут быть квалифицированы как самостоятельные гражданско-правовые обязанности, несмотря на то, что закон и правоприменительная практика предлагают именно такую трактовку. Эти требования входят в состав обязанности должника по передаче имущества, в результате чего их неисполнение автоматически не влечет признание нарушения «неисполнением обязанности» (как следствие, обязательства) и, как правило, характеризует исполнение как ненадлежащее. Однако самостоятельной обязанностью необходимо признать, например, возврат арендуемого имущества, уточнив, что вряд ли возможно квалифицировать его в качестве «принуждения к исполнению обязанности в натуре».

В параграфе 2 («Неисполнение и объект обязательственного правоотношения») подчеркивается, что установленный состав правоотношения, а также то, что, как известно, субъективные права и обязанности характеризуют поведение, которое потенциально возможно в

данном гражданском правоотношении (причем как на стадии нормального развития обязательства, так и на аномальной стадии), не позволяют четко определить, какой элемент является определяющим в процессе перехода к гражданскому правонарушению, каков критерий квалификации «неисполнения обязательства». По мнению диссертанта, решающую роль в данном случае играет «объект правоотношения». Данная установка подвигла диссертанта подробно рассмотреть теоретические конструкции объекта правоотношения, изложенные в юридической литературе. Автор классифицирует основные точки зрения по проблеме, дает критику научных разработок в этой сфере. В работе выдвигается тезис о том, что исходным моментом верного понимания объекта правоотношения является именно разграничение общественного отношения и правоотношения, где последнее представляет собой юридическую форму общественного отношения. Признавая объект элементом правоотношения, вслед за рядом цивилистов (И.Л. Брауде, Д.М. Генкиным, И.Б. Новицким, С.П. Гришаевым и др.), не согласившись с мнением Р.О. Халфиной, Ю.К. Толстого, С.Н. Братуся, В.П. Мозолина и др., диссертант пришел к выводу о том, что объектом обязательственного правоотношения является весь комплекс действий (как запрограммированный результат), совершения которых вправе требовать кредитор. Определяющая роль объекта правоотношения при формировании возможного поведения сторон (субъективные права и обязанности) не позволяет говорить о тождестве категорий «содержание правоотношения» и «объект правоотношения». Данный вывод вытекает из понимания объекта правоотношения как его цели, что основано на выводах современной социальной философии о двух уровнях социального отношения (К.Х. Момджян, М. Вебер, Ю.К. Плетников, В.Е. Кемеров, А.В. Дроздов и др.).

В заключение параграфа 2 главы 1 автор разграничил категории «объект» и «предмет обязательственного правоотношения», часто трактуемые

цивилистами как тождественные, и пришел к выводу о недопустимости определения понятия неисполнения договорного обязательства через понятие предмета правоотношения (Е.А. Зверева).

В параграфе 3 главы 1 («Сущность категории «неисполнение обязательства» с точки зрения материального содержания правоотношения») диссертантом обоснована необходимость установления места «действия» в структуре общественного отношения (материальное основание правоотношения), определения его (действия) характера, что позволило в дальнейшем определить способ проявления категории «неисполнение обязательственного правоотношения», а также конкретизировать ее сущность.

Одной из проблем, рассмотренных в данном параграфе является возможность существования обязательств с отрицательным содержанием, что следует из положения, закрепленного в ст. 307 ГК РФ. Диссертант присоединился к мнению ряда цивилистов (М.М. Агарков, О.С. Иоффе, В.С. Толстой и др.) о невозможности существования *обязательств* с отрицательным содержанием, несмотря на возможность существования подобного рода обязанностей. Вслед за М.М. Агарковым и В.С. Толстым диссертант видит решение данного вопроса в плоскости взаимодействия абсолютных и относительных прав, что подробно исследовано в параграфе 3 диссертации. В результате чего обосновывается вывод о том, что, по общему правилу, пассивное поведение сторон (как отсутствие реализации запрограммированного результата) является сущностной характеристикой именно категории «неисполнения обязательственного правоотношения».

В главе 2 («Неисполнение обязательственного правоотношения» как самостоятельная категория гражданского права») рассматриваются основные черты «неисполнения обязательственного правоотношения» как самостоятельной категории гражданского права. В ходе исследования в

параграфе 1 («Принцип реального исполнения и его влияние на категорию «неисполнение договорных обязательств») установлено, что длительное время содержание понятия «неисполнение обязательства» сводилось исключительно к случаям невозможности исполнения (т.е. прекращению возможности реального исполнения независимо от воли сторон), основанием чего являлся принцип реального исполнения обязательств, господствовавший во времена административно – командной системы хозяйствования, что обосновало необходимость его исследования.

Комплексное исследование нормативного материала в историческом аспекте, анализ высказанных точек зрения послужили основанием вывода о том, что, несмотря на отсутствие легального определения, понятие «принцип реального исполнения», имея в основе нормативно закрепленные правила, все же не носит в юридической литературе дискуссионного характера (за исключением, например, случаев смешения категорий «принцип реального исполнения» и «реальное исполнение»). И, как правило, на сегодняшний день определяется как порожденное административно–командной (плановой) системой хозяйствования общее руководящее положение права, выражающееся в необходимости исполнения обязательства в натуре при недопустимости замены его денежными выплатами и иными компенсациями, а также невозможности одностороннего изменения или расторжения договора (например, А.А. Павлов). Диссертант отметил, что ранее существовавший принцип реального исполнения установил четкую зависимость между реальным исполнением и «неисполнением обязательственного правоотношения» (как самостоятельной категорией гражданского права, отличной от фактического неисполнения, которое имеет место в момент истечения срока исполнения). Случаи прекращения возможности реального исполнения четко регламентировались действовавшим законодательством, что исключало возможность их установления самими сторонами.

Критически оценив существование принципа на современном этапе, диссертант обосновал вывод о сохранении в действующем законодательстве реального исполнения как одного из правил гражданского права, что, с одной стороны, свидетельствует о сохранении зависимости квалификации неисполнения обязательственного правоотношения от возможности реального исполнения, с другой - указывает на возможность самостоятельного согласования сторонами случаев ее (возможности реального исполнения) прекращения. В результате чего помимо случаев невозможности исполнения и приравненных к ним «неисполнение обязательственного правоотношения» включает и случаи, когда исполнение фактически возможно.

В заключение автор делает вывод о том, что «неисполнением обязательственного правоотношения» необходимо признать отсутствие реального исполнения, *сопряженное* с прекращением самой возможности реального исполнения обязательств. Данный тезис послужил основанием исследования в **параграфе 2 главы 2** («Реальное исполнение и его связь с неисполнением договорных обязательств; ненадлежащее исполнение и неисполнение») основных подходов к понятию «реального исполнения».

Комплексный анализ специальной литературы показал, что рассмотрение понятия «реального исполнения» производилось цивилистами с точки зрения его (понятия) соотношения с категорией надлежащего исполнения, что позволило автору выделить главные концептуальные подходы к соотношению реального и надлежащего исполнения в зависимости от состава требований, на исполнении которых вправе настаивать кредитор. Диссертант обосновал тезис о том, что возможность сопоставления «надлежащего» и «реального исполнения» возникает только в области действительности, критически оценив вывод М.И. Брагинского о разноплоскостности рассматриваемых понятий. В итоге автор пришел к выводу о том, что главное

отличие реального исполнения от надлежащего состоит в условии, устанавливающим срок исполнения, в результате чего квалификация нарушения, заключающегося в нарушении срока исполнения, влечет, прежде всего, фактическое неисполнение обязательства, что, однако, не означает автоматическое признание нарушения «неисполнением обязательственного правоотношения». Исследования позволили автору разграничить «неисполнение обязательственного правоотношения» как самостоятельную категорию гражданского права и фактическое неисполнение, которое имеет место на момент истечения срока исполнения. Прекращение возможности реального исполнения является основным признаком, характеризующим неисполнение обязательства (как самостоятельную категорию гражданского права). В зависимости от сохранения возможности реального исполнения обязательства нарушение, заключающееся в фактическом неисполнении на момент истечения срока исполнения обязательства, может быть квалифицировано как ненадлежащее исполнение (при сохранении возможности реального исполнения (здесь необходимо иметь в виду, как фактическую невозможность исполнения, так и желание сторон, в частности, кредитора)) или неисполнение обязательственного правоотношения (при прекращении указанной возможности). В работе отмечается присущая квалификации нарушений условия о сроке двойственность, вызвавшая споры среди цивилистов. Анализируется как нормативный материал по данному вопросу, так и теоретические исследования. Разграничивая «неисполнение обязательства» и «ненадлежащее исполнение», в параграфе 2 диссертант выделил в качестве одного из особых случаев «неисполнения обязательства» совершение со стороны должника действия, полностью или в значительной степени не соответствующего запрограммированному результату, что влечет возможность признания нарушения «неисполнением» с применением соответствующих последствий.

Признание «неисполнением обязательственного правоотношения» отсутствия реального исполнения, сопряженного с прекращением самой возможности реального исполнения обязательств, явилось основанием выделения двух видов случаев прекращения возможности реального исполнения обязательств, исследуемых в **параграфе 3 главы 2** («Общая характеристика оснований квалификации нарушений в качестве «неисполнения договорных обязательств»): (1) связанных с прекращением правоотношения в целом, (2) независимо от этого (прекращения правоотношения).

Одним из анализируемых в работе оснований прекращения возможности реального исполнения обязательства является истечение срока договора-сделки (п. 3 ст.425 ГК РФ). Данное положение не имеет в цивилистической литературе единого толкования, что, по мнению диссертанта, связано, прежде всего, с многозначностью термина «договор». Анализ судебной практики, нормативного материала, а также теоретических исследований по данной проблеме, позволил не согласиться с мнением В.В. Груздева, признавшего срок, указанный в п. 3 ст. 425 ГК РФ, сроком существования гражданских прав (исполнения обязанностей), а также мнением Н.Д. Егорова, определившего его как «срок исполнения договора». В результате чего автором вслед за А.А. Павловым обосновывается вывод о том, что в данном случае теоретически более верно говорить о «прекращении конкретной обязанности в рамках данного обязательства», т. е. возможности реального исполнения, а не «сроке существования обязательства». В работе отмечено, что окончание срока договора играет определенную роль применительно к договорному обязательству, как правило, лишь при условии, что об этом содержится прямое указание в законе или договоре. В качестве самостоятельного данное условие выступает, как правило, только в специальных нормах ГК РФ, посвященных длящимся правоотношениям

(например, договор поставки). Данные выводы диссертанта явились основанием предложения о внесении соответствующих изменений в ГК РФ.

В качестве другого основания прекращения возможности реального исполнения обязательства в работе рассмотрен случай одностороннего отказа кредитора от принятия исполнения со стороны должника. Как показало исследование, в рассматриваемом случае складывается ситуация аналогичная вышеописанной, и речь идет исключительно о прекращении возможности реального исполнения обязательства, а не прекращении самого обязательства, указание на которое нередко имеет место в судебных решениях.

В диссертации также анализируются случаи (ограниченные рамками ситуаций, связанных с нарушением исполнения) прекращения возможности реального исполнения, сопряженные с прекращением всех субъективных прав и обязанностей (т.е. правоотношения в целом).

В ходе исследования диссертант пришел к выводу о нетождественном характере категорий «неисполнение обязательства» и «существенное нарушение договора», имеющее последствием прекращение правоотношения. Несмотря на возможность применения иска из неисполнения при существенном отличии фактических последствий и запрограммированного результата при существенном нарушении договорного обязательства, нельзя смешивать как данные категории, так и применяемые правовые последствия. Диссертант критически оценил высказывание С.А. Соменкова (рассматривающего расторжение договора как частный случай прекращения обязательства, отличающийся волевой направленностью действий сторон, целью которого является прекращение его действия), давшего определение расторжения договора как «акта, направленного на прекращение действий частично или *полностью неисполненного договора...*». Речь в данном случае может идти исключительно о фактическом неисполнении на момент истечения срока исполнения. Расторжение договора свойственно

исключительно «существенному нарушению обязательства», всегда имеющему в основе нарушение, как правило, сходное с ненадлежащим исполнением, что полностью не соответствует сложившейся судебной практике, когда одновременно применяются меры ответственности за ненадлежащее исполнение договора (например, пени) и существенное нарушение договора, влекущее расторжение договора (возмещение убытков).

Итоговым выводом данного параграфа является указание на то, что «существенное нарушение» представляет собой самостоятельное явление, только включающее черты ненадлежащего исполнения и неисполнения, имеющее самостоятельные правовые последствия, что исключает предъявление требований, вытекающих из ненадлежащего исполнения после установления (как в судебном порядке, так и по соглашению сторон или в силу прямого указания закона) существенного нарушения договорного обязательства.

Реальное исполнение как результат реализации одного из правомочий, входящих в состав субъективного гражданского права и корреспондирующей ему обязанности, имеет место в рамках существования обязательственного правоотношения. Прекращение возможности реального исполнения влечет активацию правомочия защиты, также входящего в состав субъективного гражданского права, и в том числе применение мер гражданско – правовой ответственности. Исследованию «неисполнения обязательственных правоотношений» как основания применения мер гражданско-правовой ответственности посвящена **глава 3** «Правовые последствия неисполнения и его влияние на судьбу обязательства».

В **параграфе 1** («Неисполнение как основание применения мер гражданско-правовой ответственности») классифицируются и исследуются основные подходы к понятию гражданско-правовой ответственности, в результате диссертант согласился с мнением О.С. Иоффе о том, что

гражданско – правовая ответственность характеризуется государственным принуждением, отрицательными для нарушителя последствиями и общественным осуждением и имеет место исключительно в рамках этого правоотношения, что делает неисполнение одной из стадий существования обязательственного правоотношения. Неисполнение как отсутствие реального исполнения со стороны должника не является основанием прекращения обязательственного правоотношения. Однако, как установлено в ходе исследования, ранее и ныне действующие нормативные акты по существу решают лишь вопрос о том, когда применима и когда неприменима ответственность за неисполнение, сами указанные нормы не говорят о судьбе обязательства после его «неисполнения». В результате чего диссертант обосновал необходимость внесения соответствующих изменений в ГК РФ, касающихся указания возмещения убытков за неисполнение обязательственного правоотношения в числе оснований прекращения обязательства.

Параграф 2 главы 3 («Общая характеристика принуждения к исполнению обязанности в натуре и возможность применения данной меры защиты при «неисполнении договорного обязательства») содержит общую характеристику принуждения к исполнению обязанности в натуре с целью установления возможности применения данной меры защиты при «неисполнении обязательственного правоотношения». В работе указано, что вопрос о включении в состав гражданско-правовой ответственности такой меры как «принуждение к исполнению обязанности в натуре» длительное время в цивилистической литературе был спорным, в то же время обширная судебная практика, связанная с возможностью применения данной меры защиты при нарушении исполнения (и неисполнении, в частности), обосновывает, по мнению диссертанта, необходимость его исследования.

Анализ нормативного материала, теоретических воззрений цивилистов позволили критически оценить высказывания ряда ученых, включающих принуждение к исполнению обязанности в натуре в число мер гражданско-правовой ответственности (О.Э. Лейст, С.Н. Братусь, И.С. Самощенко, В.А. Рахмилович и др.). Диссертант присоединился к наиболее распространенному мнению (О.С. Иоффе, А. Асосков, Н.С. Малеин, В.С. Ем, Е.М. Яковлева и др.) о том, что рассматриваемая мера не может быть признана мерой ответственности. Не может служить основанием отнесения данных мер в состав гражданско-правовой ответственности и тот факт, что нормы об исполнении обязательства в натуре помещены в главе 25 ГК РФ («Ответственность за нарушение обязательств»). Являясь одним из средств, направленных на реальное исполнение обязательства, принуждение к исполнению обязанности в натуре не может иметь место при «неисполнении обязательственного правоотношения» (в отличие от фактического неисполнения, которое имеет место на момент истечения срока исполнения обязательства).

В заключении диссертации по результатам исследования сформулированы основные выводы и предложения.

Основные идеи и положения, содержащиеся в работе, отражены в следующих публикациях:

1. Балашова Э.Г. Теоретические проблемы исполнения обязательств / Э.Г. Балашова // Актуальные проблемы частного правового регулирования: Тезисы докладов 1 научной конференции молодых ученых Самарской области, посвященной 70-летию со дня рождения проф. Коняева Н.И., 28.03.01, - Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. - С. 5-6 (0, 1 п.л.).

2. Балашова Э.Г. Исполнение гражданско-правовых обязательств как юридический факт / Э.Г. Балашова // Юридический аналитический журнал. – 2002. - № 3(4). - С. 131-137 (0, 5 п.л.).

3. Балашова Э.Г. Исполнение договоров финансовой аренды / Э.Г. Балашова // Проблемы развития инвестиционного права. Материалы всероссийской научно-практической конференции 15-16.11.01 / Самарская государственная экономическая академия. - Самара, 2001. - С. 13-14 (0,1 п.л.).

4. Балашова Э.Г. К вопросу сохранения принципа реального исполнения обязательств в Российском законодательстве / Э.Г. Балашова // Юридический аналитический журнал. - 2003.- №2(6) – С. 45-60 (1 п.л.).

5. Балашова Э.Г. Общая характеристика принуждения к исполнению обязанности в натуре и возможность применения данной меры защиты при «неисполнении договорного обязательства» / Э.Г. Балашова // Актуальные проблемы частноправового регулирования: Материалы Всероссийской IV научной конференции молодых ученых. Самара, 23-24 апреля 2004. - Самара: Изд-во «Самарский университет». – 2004г.- С.223-226 (0,1 п.л.).

6. Балашова Э.Г. Неисполнение гражданского обязательства как прекращение возможности его реального исполнения / Э.Г. Балашова // Юридический аналитический журнал. - 2004. - № 1 (9) – (на стадии опубликования – 1 п.л.).

Отпечатано в Центре оперативной полиграфии. Лиц. ПЛД № 67-67.

443010, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 104.

Подписано в печать 29.04.04.

Форм. листа. 60 x 84/16. Бумага офсетная.

Печать оперативная. Заказ № 3908. Тираж 100 экз.